

УДК 001

Волкова Полина Станиславовна

доктор философских наук,
профессор кафедры социологии и культурологии,
Кубанский аграрный университет им. И.Т. Трубилина
polina7-7@yandex.ru

Ковалева Светлана Викторовна

доктор философских наук, профессор кафедры философии,
культурологии и социальных коммуникаций,
Костромской государственной университет
polina7-7@yandex.ru

Polina S. Volkova

Doctor of Philosophy,
professor of department of sociology and cultural science,
Kuban agricultural university of I.T. Trubilin
polina7-7@yandex.ru

Svetlana V. Kovalyova

Doctor of Philosophy, professor of department of philosophy,
cultural science and social communications,
Kostroma state university
polina7-7@yandex.ru

**ПРАВОСОЗНАНИЕ:
К ВОПРОСУ О ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ СОЦИАЛЬНОСТИ**

**SENSE OF JUSTICE:
TO THE QUESTION OF EXTERNAL AND INTERNAL SOCIALITY**

Аннотация. В статье рассматривается становление философии права как самостоятельной научной дисциплины. Будучи рождена в лоне некогда целостного гуманитарного знания, в пределах которого вопросы о существовании мироздания решались наряду с вопросами, затрагивающими процесс формирования человека, его общественной сущности, сегодня философия права вынуждена решать одну из важнейших задач, стоящих перед глобализирующимся миром: формирования правосознания социального субъекта. Обращаясь к концепциям И. Канта, Дж. Фейнберга и Г. Кельзена, авторы приходят к следующему выводу. Современное научное сообщество вынуждено признать актуальность выхода за пределы локальных, частнонаучных дисциплин в пространство полипарадигмальности. Обобщив накопленные в разных областях гуманитарной науки знания, необходимо создать синкретичное пространство философии, главным предметом исследования которой будет целостность человека, обусловленная в своей сущности единством внутреннего и внешнего.

Ключевые слова: бытие, правосознание, философия, категорический императив, юридический морализм, акт принуждения.

Summary. *In article formation of legal philosophy as independent scientific discipline is considered. Being born in a bosom of once complete humanitarian knowledge within which issues of existence of the universe were resolved along with the questions affecting process of forming of the person, its public entity, today the legal philosophy is forced to solve one of the major tasks facing the globalized world: formations of sense of justice of a social subject. Addressing I. Kant, J. Fejnberg and G. Kelzen's concepts, authors come to the following conclusion. The modern scientific community is forced to recognize relevance of an exit out of limits of local, chastnonauchny disciplines in poliparadigmality space. Having generalized knowledge accumulated in the different fields of the humanity, it is necessary to create sinkretichny space of philosophy which main object of research will be an integrity of the person caused in the entity by unity internal and external.*

Key word: *life, sense of justice, philosophy, categorical imperative, legal moralism, act of coercion.*

Философия права – самостоятельная сфера исследования в современном гуманитарном пространстве мысли, источником развития и становления которой является философия в ее социокультурном аспекте. Видимо, этот факт обусловлен тем, что философия, возникшая на рубеже VII – VI вв. до н.э., долгое время была единственной дисциплиной, решавший весь комплекс проблем, связанных как с процессом существования мироздания, так и с процессом формирования человека, его общественной сущности, в том числе социально-культурных сегментов жизни.

Будучи фундаментальной и целостной в своем единстве сферой, философия, начиная с V в. до н.э., использует в различных направлениях исследования понятие «бытия», которое было введено Парменидом. В учении самого автора этого понятия, а также в творчестве Платона, Аристотеля, в религиозных системах средневековой и русской философии, в концепциях мыслителей Нового времени, в Немецкой классической философии бытие понималось как характеристика метафизической сферы, отмеченной вечностью, постоянством и неизменностью. Содержанием этой сферы считались знания, специфическая особенность которых определялась их совместностью, общезначимостью и универсальностью. Подобное положение дел привело к необходимости признать верность установки, согласно которой обладающая бытием метафизическая сфера являет собой сферу со-знания. В философской традиции учение, объектом рассмотрения которого является сущность бытия, называется онтологией.

Несмотря на то, что социальные взаимодействия людей изучались в рамках тех или иных философско-онтологических концепций в течение всей истории гуманитарной мысли, процессы правового регулирования отношений внутри общества стали предметом исследования в эпоху Нового времени, когда были созданы и обоснованы первые учения об общественном договоре (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо). В этих учениях само общество как сово-

купность гражданских индивидов противопоставлялось государству, которое обладало юридическим механизмом регулирования связей внутри социальной сферы, в том числе с помощью принуждения и насилия. По традиции, унаследованной из философских концепций, общество считалось носителем сознания, которое с точки зрения юридически-договорных отношений с государством стало именоваться правосознанием. Уточним, что на данном этапе исследования, осуществляемом в рамках настоящей статьи, правосознание – это система совместного, общезначимого, универсального знания о правах, которые свойственны той или иной социальной группе или общественной формации.

Детерминируя внешним образом поведение людей в социальном пространстве жизни, правосознание, чаще всего, носит формальный характер. Другими словами, система знаний о правах сконцентрирована в юридических документах государственного образца и имеет принудительную силу в процессе регламентации отношений внутри общественной сферы. Эти законодательно оформленные документы созданы исключительно рациональным путем, в рамках которого живое отношение конкретного человека к норме закона остается «за кадром». Дело в том, что поскольку законодательно-правовые акты, основанные на юридических знаниях, должны обеспечивать порядок в максимально-возможных жизненных ситуациях, они требуют высокой степени абстракции и отвлеченности от всего конкретного. Обладая характером долженствования, учения о внешней форме ограничения поведения в социальном пространстве жизни сконцентрированы в системе деонтологии, которая изучается философией права.

Философско-историческим источником одного из способов регламентации связей в структуре социального пространства является учение И. Канта о морали. Он был убежден, что человек, являясь частью общества, обязан культивировать в своем сознании такие мотивы собственного поведения, которые соответствуют моральной норме долга. Эта моральная норма формируется универсальной трансцендентальной формой мышления и соответствует чистому долженствованию, выраженному формулой категорического императива, который гласит: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла быть всеобщим законом» [2, с. 101].

Другими словами, философ призывает к тому, чтобы каждый субъект практической деятельности развивал в своем сознании психологическую склонность действовать только в согласии с правилом воли, который определен чистой формой долга. Подчеркнем, что содержанием трансцендентного долженствования является всеобщая справедливость как высший критерий моральности. Однако человек на уровне чувственности – существо эмоционально-психологическое, поэтому его поведение может быть мотивировано различными склонностями как положительными, например, жалость, героизм, так и отрицательными – зависть, эгоизм, ненависть. И. Кант считает, что даже в том случае, если моральный поступок осуществляется в соответствии с положительными склонностями, обусловленными чувственно-психологическим уровнем сознания, он не имеет моральной силы, потому

что в таком действии отсутствует «чистота» трансцендентально определенного долга.

Философ настаивает на том, что только одна склонность должна детерминировать поведение человека – стремление поступать в согласии с максимальной категорического императива. Субъект всегда должен размышлять о том, чтобы его возможное действие, соотнесенное с государственно-общественным мнением, выражало всеобщий закон. В таком случае, совершенное в согласии с максимальной воли субъективное действие, очищенное от всего чувственно-психологического содержания, будет выражать высшую форму морали – справедливость. Однако осуществление категорического императива в конкретном поведении переживается человеком в виде чувства удовольствия от выполненного в полной мере чистого долга. По мнению И. Канта, такое чувство лишено эмоционально-психологической окраски и является «чистым».

Можно сказать, что философ, объясняя принцип морального поведения человека, источник его видит в чистой склонности социального субъекта действовать в соответствии с долгом. Цель долженствования – благо общества, которое по отношению к самому человеку, его сущности, носит внешний характер, поэтому, ориентируя осуществление собственной воли на всеобщую справедливость, выраженную благом, необходимым для всех членов общества, индивид формирует образ внешнего поведения, согласовывая его с моральным законом долга. Если же конкретный поступок совершен не в соответствии с нормами морали, то человека, поступившего так, ждет общественное порицание, неуважение сограждан, бойкотирование или другие санкции, предусмотренные в данном обществе, что с неизбежностью приведет социального субъекта к психологическому дискомфорту.

Принципиальным в данном контексте видится то обстоятельство, что внешнее поведение социального субъекта определяется, по Канту, изнутри формируемым правовым пространством, архитектурой которого выступает внутренний закон. Обеспечивая индивиду возможность делать выбор между добром и злом, искомый закон, в свою очередь, обуславливается следующими имманентно присущими человеку задатками: «животности»; «человечности» и «личности» [3, с. 276]. Поскольку в первом случае индивид предстает на уровне зверочеловека, во-втором – человекозверя, постольку лишь третий уровень – уровень личности, отмеченной «стремлением» социального субъекта «к сообщности с другими людьми» [3], формирует детерминирующий внешнее поведение внутренний закон.

Обращая внимание на то обстоятельство, что таким, предшествующим личностным задаткам, как задатки животности и человечности «могут быть привиты всевозможные пороки» – Кант называет их пороками естественной грубости, поясняя, что «при наибольшем отступлении от целей природы они становятся скотскими пороками: обжорства, похоти и дикого беззакония» [3], философ подчеркивает: обозначенные пороки «не возникают сами собой из этих задатков как корня» [3]. Тем не менее, тот факт, что «у доброго (нормативного) и девиантного (злого) одна единая природа, которая может разными

практическими гранями реализовываться в деятельности, в применении к обстоятельствам» [1] не снимает вопрос о том, каким образом происходит обозначенное Кантом «привитие» пороков и что будет способствовать закреплению у индивида личностных задатков.

Отдавая себе отчет в том, что вне сформированного внутреннего правового пространства рационально обоснованная И. Кантом форма долга не спасает современное человечество в ситуации, детерминированной множественностью секторов социокультурного пространства, в каждом из которых невозможно высчитать и учесть максимально необходимую меру всеобщего блага, ряд ученых осуществили попытку синтезировать моральное содержание с формально-правовым аспектом деятельности. В их числе - Дж. Фейнберг и Г. Кельзен. Остановимся на каждой из представленных ими концепциях.

Учение Дж. Фейнберга, изложенное в его труде «Моральные пределы права», служит обоснованию юридического морализма. По мнению автора, юридический морализм является принципом, который оправдывает законодательное давление со стороны государства, допустимое на том основании, что целесообразно ограничивать и прямо не допускать поведения, противоречащего нормам морали. Этот принцип должен действовать даже в том случае, если поведение не является вредным или оскорбительным для кого-либо конкретно [5, р. 83-96]. Другими словами, юридический морализм закрепляет правовым образом неписанные нормы морали, официально придавая им статус государственных законов. Как тут не вспомнить философа, математика Пифагора, жившего в V в. до н.э. и утверждавшего, что справедливость – это число, помноженное на само себя.

Несмотря на то, что Дж. Фейнберг обосновывает две формы юридического морализма: «умеренный» и «чистый», ученый настаивает на необходимости применения государственного контроля, юридического узаконивания и принудительных мер наказания во всех случаях, когда нарушается моральная норма, в том числе, если действия, не вписывающиеся в мораль общества, косвенным образом в долгосрочной перспективе способны привести к негативным социальным ситуациям. При этом вопрос, возникающий в связи с тем, кто и каким образом будет осуществлять прогноз и оценку «накопительного» эффекта негативных последствий аморального поступка в системе государственного контроля, остается не решенным.

В свою очередь, примером чисто формального, наиболее абстрактного применения правосознания в регламентировании общественных отношений служит учение Г. Кельзена. Мыслитель убежден в том, что правопорядок может быть обеспечен актами принуждения, закрепленными государством и им охраняемыми. Обосновывая свою позицию, он пишет: «Смысл правопорядка состоит в том, что при определенных условиях должны быть осуществлены определенные акты принуждения. Это не только субъективный смысл актов, посредством которых устанавливается право, но также и их объективный смысл. Именно потому, что таков их объективный смысл, за ними признается характер право-устанавливающих, нормо-творческих и

нормо-исполняющих актов» [4, с. 32]. В силу этого обстоятельства Г. Кельзен настаивает на том, чтобы учение о праве было очищено от всего жизненно-конкретного и направлено на выявление и обоснование системы норм, определяющих поведение человека и принуждающих его на действия, которые целесообразны в универсальном правоохрательном смысле.

Для создания чистого учения о праве необходимо использовать нормологический метод исследования, с помощью которого рационально найти саму суть права как такового и очистить ее от всего морального, справедливого, конкретно человеческого. Затем найти и обосновать объективно существующие акты принуждения, тем самым создать полноценную систему правовых норм, регламентирующих внешнее поведение человека. По мнению Г. Кельзена, акты принуждения являются объективными и универсальными критериями, которые обеспечиваются государством, но сами по себе они не сводятся к какой-либо конкретной законодательной форме. Сами по себе они чистые категории, которые лишены определенного содержания и в силу этого могут быть применены в рамках любой государственности.

Безусловно, внешние способы регламентации общественных отношений в сфере государственного пространства необходимы с целью обеспечения согласования и взаимно дополнительного контроля как внутри, так и между сегментами социокультурной сферы. Однако в данном контексте нельзя не принимать во внимание тот факт, что конкретную деятельность внутри этих сегментов, а также ответственность за нее осуществляет человек, который, выполняя профессиональные функции, оценивает их с точки зрения не просто объективно должной, но ценностно значимой меры человеческого. Другими словами, каждый поступок человека обусловлен не только нормой морали, правом или буквой закона, но и детерминирован принципами «внутренней социализации», осуществление которой исключительно в границах морально-правовой сферы является проблематичным. Думается, что подобное положение дел с необходимостью диктует современному научному сообществу выход за пределы локальных, частнонаучных дисциплин в пространство полипарадигмальности. Обобщив накопленные в разных областях гуманитарной науки знания, мы вновь сумеем вернуться к искомой целостности философии, в рамках которой и сам человек будет представлен в своей обусловленной единством внутреннего и внешнего целостности.

Литература

1. Захарченко Г. *Философия преступления [Электронный ресурс]*. URL: <http://www.proza.ru/2011/01/04/575> (дата обращения 15.11.2018).

2. Кант И. *Критика практического разума / Пер. с нем.* – СПб.: Наука, 1995.

3. Кант И. *Трактаты.* – СПб.: Наука, 1996.

4. Кельзен Г. *Чистое учение о праве Ганса Кельзена / Сб. пер. Вып. 1.* – М.: АН СССР ИНИОН, 1987.

5. Feinberg J. *Harmless Wrongdoing: The Moral Limits of Criminal Law.* – Oxford: Oxford University Press, 1988.

Literature

1. Zakharchenko G. *Crime philosophy* [Electronic resource]. URL: <http://www.proza.ru/2011/01/04/575> (date of the address 15.11.2018).
2. Kant I. *Criticism of practical mind / Lane with it.* – SPb.: Science, 1995.
3. Kant I. *Treatises.* – SPb.: Science, 1996.
4. Kelsen G. *The blank doctrine about Hans Kelsen's right / Sb. Vyp. Lane 1.* – M.: Academy of Sciences of the USSR INION, 1987.
5. Feinberg J. *Harmless Wrongdoing: The Moral Limits of Criminal Law.* – Oxford: Oxford University Press, 1988.